

Copyright © 2016 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russian Journal of Political Studies
Has been issued since 2015.
ISSN: 2410-910X
E-ISSN: 2413-7537
Vol. 3, Is. 1, pp. 18-26, 2016

DOI: 10.13187/rjps.2016.3.18
www.ejournal31.com

UDC 327

Social-Cultural Principles and Directions of Development of Modern Russian Foreign Policy: Global and Regional Priorities

¹Alexey Y. Mamychev
²Zou Li Hui

¹Vladivostok State University of Economics and Service, Russian Federation
Gogolya Str., 41, Vladivostok 690014
Doctor of Political Science
E-mail: mamychev@yandex.ru

²Heilongjiang State Technological University of Jixi, Republic of China
District Jiguang Str., Heping 99, Jixi city 158100
E-mail: Zouli2864@mail.ru

Abstract

The article analyzes the principles and directions of development of modern Russian foreign policy, as well as systematized and interpreted the different approaches to the understanding and interpretation of the "balance of power" in the inter-state cooperation, representing a certain geopolitical outlook and theory of international politics. It is proved that cultural and civilizational approach to the justification of the modern public-powerful interaction allows the XXI century orient foreign policy on stability and democracy in international political communication, and the power of the state viewed as a potential and actual government's ability to independently and determine goals and objectives development of the national political and legal space, "dialogical" to participate in the international legal and policy on equal terms to serve as one of the "architects" of the international security system.

Keywords: foreign policy, the state, national security, law, sovereignty, cross-border cooperation, civilization.

Введение

В XXI веке основная конкуренция на мировой арене будет разворачиваться между культурно-цивилизационными моделями развития, региональными и глобальными центрами, способными обеспечить баланс между социально-культурным и планетарным интересами и потребностями, а также между международными коммуникативными площадками, обеспечивающих свободный диалог, цивилизационную и общечеловеческую стабильность и устойчивость развития. Поэтому в третьем тысячелетии международные отношения и мировой порядок принципиально меняется в сторону создания мировых центров, предполагающих культур-цивилизационный диалог, призванный сбалансировать глобальные, региональные и внутривосточные интересы, сформировать свободную платформу для межцивилизационного диалога.

Неслучайно, в этом плане позиция российского руководства, согласно которой новый международный порядок и, соответственно, международная политика, должны основываться на таких терминах «как многополюсный, полицентричный, бесполлюсный». При этом многообразии мира и межцивилизационный баланс сил на мировой политической арене требует формирования разнообразных международных политических платформ и центров коллективного лидерства: «многообразие мира требует, чтобы коллективное лидерство было по-настоящему представленным в географическом и цивилизационном отношении» [6].

Следует отметить, что такой подход к новому формату международных отношений, формированию мировой системы межцивилизационного диалога и достижению баланса интересов России на различных направлениях внешней политики (Запад, Азия, Восток, Север), зафиксированы в «Концепции внешней политики Российской Федерации», утвержденной Президентом РФ 12 февраля 2013 г. [5]. Если в конце XX – начале XXI века в российской политике присутствовала явная ориентация на интеграцию в западноевропейское политическое, экономическое и социально-культурное пространство, то начиная с 2012 года под воздействием различных внешнеполитических и внутригосударственных факторов ситуация постепенно изменяется. По заключению многим политических аналитиков и специалистов по международным отношениям внешняя политика российского государства явно начала ориентироваться на достижение баланса внешнеполитических интересов России.

Однако, здесь следует сделать одно важное теоретико-методологическое замечание, которое безусловно имеет практические следствия в международных отношениях. Речь идет о понимании и толковании термина «баланс». В большинстве случаев, как в политической риторике, так и на уровне научного анализа понятие «баланс» используется в качестве научной метафоры, не имеющей строгого научного содержания, и призванного выразить некоторое устойчивое соотношение сил, ресурсов, потенциальных возможностей между двумя и более диаметрально противоположными системами.

Материалы и методы

В качестве ведущего методологического принципа настоящего исследования выступает инструментально-политический реализм, предполагающий познание социокультурных факторов и этнополитических доминант необходимо не только для понимания политики и социально-политического мировоззрения, но и для прогнозирования и управления реально существующими (действующими) политическими процессами.

Кроме того, настоящее исследование опирается на ряд фундаментальных методологических ориентиров и положений: *во-первых*, познание политического пространства как сложнейшего комплекса структур и публичных институтов, а также компонентов неполитического характера, базируется на самодостаточности внешне политических интересов и потребностей; *во-вторых*, социокультурные основы – это неотъемлемый, глубинный и устойчивый компонент политической реальности, значимый аспект рассмотрения внешней политики и критерий оценки возможных перспектив развития.

Обсуждение

Подходы и интерпретации политической теории «баланса сил» и ее современное прочтение. С нашей точки зрения, понятие «баланс сил» используется, как правило, в пяти основных значениях. Каждое из них опирается на определенное геополитическое мировоззрение и теорию международной политики.

Во-первых, это теория «баланса сил», сложившаяся в западноевропейской политологии после второй мировой войны, отражающая соотношение сил, ресурсов (военно-политических, экономических, социальных и проч.) между двумя геополитическими стратегиями развития (западноевропейском и советской геополитической моделями). В данном случае с помощью данной категории описывалось относительное и динамичное равновесие в рамках биполярной структуры международных отношений [12. С. 17].

Во-вторых, эта теории баланса как «соотношения сил» (П. Кеннеди), концепция «силы государства» (С. Хантингтон) или «сильного государства» (Ф. Фукуяма) как основного геополитического игрока. Так, в концепции Кеннеди баланс выступает аналитическим инструментарием позволяющим описать и оценить состояние, масштаб и качество силы одного государства в сравнении с другим или одной группы государства, политического блока, альянса по отношению к другим группам стран, межгосударственных союзов [18].

С позиции Ф. Фукуямы все без исключения «системы государственной власти» должны быть подразделены на сильные и слабые. Причем в содержание характеристик силы и слабости включаются не традиционные представления о военной, финансовой, культурной мощи и независимости государства, а институционально-административная стабильность. Утверждается, что слабые – это, прежде всего, неконтролируемые, нестабильные и демократически некомпетентные правительства. При этом доказывается, что вопросы международной безопасности в этом случае требуют постоянного и активного «решения проблем внутри слабых государств, ... смены их режимов для предотвращения дальнейшей угрозы с их стороны» [15. С. 159].

В этом направлении сила, насилие, господство и иные концепты связаны с публично-властными отношениями между государствами [11. С. 59]. Таким образом, эффективность, стабильность, адекватность (или слабость, нестабильность, неадекватность) институциональных инструментов упорядочения общественных и политических процессов влияют на структурирование, баланс (или дисбаланс) публично-властного взаимодействия. В том же ключе отмечает и известный американский теоретик С. Хантингтон, полагающий, что при институционально-технологической слабости государственной власти происходит «ослабление политического порядка, подрыв авторитета, эффективности и легитимности власти» и международного порядка в целом [16. С. 23].

В-третьих, это европоцентричная модель, которая предполагает: с одной стороны, сбалансированность интересов различных государств, оформленных в единую международно-политическую систему (внутри политический баланс); а с другой – баланс силы между единым мировым сообществом и другими периферийными политическими системами (внешнеполитический баланс). Здесь утверждается, что на смену Вестфальской системы в международной политике оформляются глобальные организации и институты, а суверенные права государств значительно сужаются при вступлении в европейскую международную общность. При этом центральной проблематикой выступает нахождение (поиск) баланса в принятии общезначимых решений и формулировании общих (коллективных) интересов [19].

Таким образом, в рамках этой модели национально-государственные интересы и внутри-политических приоритеты, а также национальный стратегии развития больше не являются ключевыми, основополагающими в международных отношениях, а международная политика больше не сводится к поиску баланса между ними. Напротив, утверждается, что все выше обозначенные национально-государственные приоритеты и стратегии опосредуются волей международного сообщества и глобальных институтов гражданского общества, которые и представляют новую сбалансированную мировую политику. Следовательно, глобальные общие интересы и потребности, международные стандарты и правила становятся доминирующими в мировой политики, на их основе балансируются внутри политические интересы и внешние стратегии развития отдельных государств.

В-четвертых, неоимперская (американская) модель баланса, напротив, придерживается принципа, согласно которому международные неправительственные организации, а также международные законы, декларации и соглашения не могут выступать исключительными основания для баланса национально-государственных интересов. Если европоцентричная развития мирового порядка наделяет международные организации статусом «хранительниц всеобщего блага», стоящего выше интересов и амбиций отдельных государственно-правовых пространств, то имперская модель напротив исходит из ограниченности делегирования власти международным организациям.

Так, по мнению Ф. Фукуяма, американская модель баланса сил и формирования имперского порядка исходит из того, что «в Америке существовал только один политический режим, который, будучи старейшей в мире непрерывной демократией,

не рассматривается как переходящий политический компромисс. Это, означает, что политические институты страны внушают людям почти набожное почтение» [15. С. 189]. Поэтому, имперская модель предполагает универсализацию конкретного национального интереса и силы отдельного государства. Это в свою очередь, обуславливает стандартизацию правового и социально-политического развития других стран, формирование баланса на основе наднациональных ценностей и правил, сформированных в рамках определенного цивилизационного проекта развития. В качестве такой модели, обеспечивающей баланс сил и интересов на международной арене, выступает определенный культурно-цивилизационный идеал американского государственно-правового устройства, трактуемого как единственно верный и непреходящий стандарт в мировом развитии в целом, и конкретных государств в частности [2. С. 56].

Американская модель международно-правового порядка в отличие от европоцентрической не стремится демонтировать суверенность государств и легитимность их политико-правового режима на основании формирования более эффективных международных организаций, осуществляющих глобальное демократическое управления. Напротив, предполагается ведущая роль международной державы в антикризисном и координационном управлении демократическим развитием различных политических пространств. В тоже время некомпетентное и неэффективное управление государством в достижении этого имперского идеала автоматически подрывает качество суверенности, разрушает международно-политический баланс, и, соответственно, легитимирует внешней вмешательство империи во внутригосударственные политико-правовые процессы.

В-пятых, это поликультурная модель, предполагающая сложно организованную систему баланса сил на международной арене, отстаивающих собственные проекты культурно-цивилизационного и политико-правового развития, а также формирование новых глобальных и региональных международно-коммуникативных пространств для нахождения баланса в реализации внешнеполитических и внутригосударственных интересов и потребностей, совместного противодействия рискам и цивилизационным угрозам.

В данной модели обосновывается, что все политические явления и процессы развиваются и интерпретируются в контексте социокультурной эволюции специфичны и действуют в рамках определенного пространства и времени. В связи с этим утверждается, что не существует абсолютно схожих, одинаковых трендов трансформации (универсальных закономерностей развития и мировой интеграции) государственных систем. В этом плане можно лишь говорить о схожести в развитии тех или иных политических и правовых систем и режимов. Поэтому, с точки зрения исследователей данного направления глобализация качественно обогатит и усложнит роль государственной власти, ее институционально-функциональную структуру, а институт государства вряд ли утратит как свое доминирующее положение в качестве центрального субъекта политической системы, так и ведущую роль в международном политическом процессе [9].

В рамках данной модели международного порядка и баланса сил утверждается, что выше обозначенные подходы обуславливают развитие негативных политических процессов, связанных с отходом от первичности государственных и цивилизационных интересов, действию демократических прав и свобод на международной арене, и ведет к доминированию «постдемократической концепции безопасности», основанной на силовых характеристиках функционирования глобальных политических акторов. Так, Данило Дзоло характеризует этот проект формирования «постдемократической концепции безопасности», как переход «от положительного понимания безопасности к отрицательному. Это понятие все меньше отождествляется с идеями социальной принадлежности, солидарности, взаимопомощи, демократического признания суверенности личности и ее участия в общественной жизни; в противовес ему утверждается постдемократическая концепция безопасности как прямой защиты индивидов от возможных актов агрессии и как полицейских репрессий с целью сурового наказания нарушений... объявлена война всякой нестандартности в поведении, даже малейшей, проявляемой маргинальными субъектами – «чужими», которые не хотят следовать господствующим образцам социального конформизма, и потому на них возлагают всю ответственность за беспорядки и отсутствие безопасности» [3. С. 14-15].

С нашей точки зрения, именно последняя модель содержательной интерпретации баланса сил в мировой политике обеспечивает сохранение относительной стабильности и демократичности в международно-политической коммуникации, «дает формально юридически одинаковую, равную возможность всем государствам БЫТЬ в нынешнем мире» [17. С. 287]. Справедливо в этом контексте отмечает политический аналитик Майкл Уолцер: «Признание суверенитета – это единственный способ создать арену, на которой можно бороться за свободу... Именно эту арену и те действия, которые разворачиваются на ней и хочется защитить; и мы защищаем их так же, как мы защищаем индивидуальную целостность, прочерчивая границы, которые нельзя пересекать, закрепляя права, которые нельзя нарушать. Как в случае с индивидами, так и в случае с суверенными государствами есть определенные вещи, которых с ними делать нельзя, пусть даже и во благо им» [20. С. 89].

В этом плане сила государства рассматривается не в военно-политическом контексте, а выражает потенциальную и реальную способность конкретного государства самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы [10. С. 359-362].

Глобальные и региональные приоритеты российской внешней политики. В настоящей российской внешней политике проводится четкая линия не только о необходимости формирования свободной международно-политической коммуникации, но и солидаристском типе культур-цивилизационного взаимодействия, который принципиально не совпадает с западноевропейской моделью глобальной социально-культурной универсализацией: «долгосрочный успех может быть достигнут только на основе продвижения к партнерству цивилизаций, опирающемуся на уважительное взаимодействие различных культур и религий. Считаем, что общечеловеческая солидарность должна иметь нравственную основу, формируемую традиционными ценностями, которые являются во многом общими для ведущих мировых вероисповеданий» [7].

Эти установки на формирование новых форм и типов международных отношений, адекватных XXI веку и доминирующим цивилизационным рискам и угрозам, нашли свое отражение и в «Концепции внешней политики Российской Федерации». В ней отмечается российское государство «придает большое значение обеспечению устойчивой управляемости мирового развития, что требует коллективного лидерства ведущих государств мира, которое должно быть представительным в географическом и цивилизационном отношениях и осуществляться при полном уважении центральной и координирующей роли ООН» [5].

Отметим, что в этом положении Концепции прослеживается взаимосвязь и преемственность в развитии российской внешней политики. В Концепции формулируются как новые принципы и формы международно-политической коммуникации и культур-цивилизационного стратегического сотрудничества, так и необходимость поддержки и обеспечение стабильности основополагающих традиционных институтов международной политики – международного права, координирующей роли ООН и т.д.

В целом, общая тенденция внешней политики РФ направлена на формирование единого цивилизованного, экономического и гуманитарного пространства от Атлантики до Тихого океана. В свою очередь, что касается региональных приоритетов развития, то в Концепции в качестве приоритетных задач является: формирование единого и стабильного Евразийского экономического союза, «призванного не только максимально задействовать взаимовыгодные хозяйственные связи на пространстве СНГ, но и стать определяющей будущее стран Содружества моделью объединения, открытого для других государств»; развитие интеграционных процессов в АТР.

В этом направлении важным является ориентация руководства РФ на развитие сотрудничества в АТР. Отсюда повышение значение придается подъему дальневосточных регионов в тесной увязке с решением проблем углубления интеграции России в политико-экономическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона и развитие всестороннего сотрудничества, прежде всего, с КНР. Развитие востока страны, интенсивное углубление её связей с соседями рассматриваются как две взаимосвязанные и взаимообуславливающие задачи [14].

В региональных приоритетах также обосновывается необходимость создания мировых центров, предполагающих культур-цивилизационный диалог, способных обеспечить баланс глобальных, региональных и внутривластных интересов, свободную платформу для межкультурного диалога: «Россия считает важными формирование и продвижение в Азиатско-Тихоокеанском регионе партнерской сети региональных объединений. Особое значение в этом контексте придается укреплению роли ШОС в региональных и глобальных делах» [5]. Основопологающим для обеспечения последнего, конечно, является стратегическое партнерство и сотрудничество между Россией и Китаем. Решительным «шагом» в развитии последнего, безусловно, является позиция российского лидера В.В. Путина, который неоднократно указывал на важную роль Китая и всего Азиатско-Тихоокеанского региона в настоящем и будущем страны, а также отмечал, что это направление должно стать основным приоритетом внешней политики России.

В целом, углубление российско-китайских отношений стратегического взаимодействия и партнерства представляется и российским, и китайским экспертам как взаимодействие не только двух государств, но и как двух цивилизаций. Это означает развитие отношений, нацеленное не только на решение текущих вопросов и проблем во взаимоотношениях РФ и КНР, но и на долгосрочную перспективу, в которой политическая сфера имеет тенденцию к расширению в экономическое и культурное поле.

По заключению многих современных политологов в России на доктринально-правовом уровне сформированы необходимые основы для стабильного, предсказуемого и поэтапного развития сотрудничества с КНР, способного обеспечить свободный межкультурный диалог и сгладить имеющиеся между двумя странами противоречия, а также совместно противодействовать западноевропейскому гегемонизму и проектам политико-правовой универсализации [1. С. 8; 8. С. 21; 13. С. 12-13].

Все эти процессы являются не только следствием определённой политической воли и стратегии руководства РФ, призванных отстаивать интересы России в международных отношениях. Сегодня можно констатировать, что в российской политической культуре преобладает в качестве идейно-концептуальных основ формирования и развития международной политики – неоевразийский проект. В содержании этого проекта обосновывается принципиальная необходимость стратегического сотрудничества России и Китая в обеспечении глобальной и региональной безопасности, воспроизводства и устойчивости двух успешных культур-цивилизационных пространств.

Так, в энциклопедии «Духовная культура Китая» отмечается, что в российской опыте государственно-правовой и политико-экономической эволюции изжил себя проект европоцентристски ориентированной международной политики. В качестве альтернативы институционализируется неоевразийская политическая ориентация, согласно которой мир сложен и многообразен, а устойчивость и стабильность возможны только при учете, уважении и принятии интересов различных наций, сообществ и религиозных конфессий. Все это требует нового типа международных отношений: основанного на интеграционных принципах, но с утверждением многообразия; обеспечивающего устойчивое развитие национально-культурных пространств и сотрудничество всех народов, а не глобальную социально-культурную универсализацию и типизацию. При этом неоевразийский проект отрицает идею поглощения одних культур, цивилизаций и этносов другими, а провозглашает идею межкультурных отношений на основе экологии культур и цивилизаций, сохранения этнического и цивилизационного многообразия [4].

Результаты

Современная внешняя политика государств, основывается на обеспечении баланса сил. Однако политическая теория «баланса», призванная выразить некоторое устойчивое соотношение сил, ресурсов, потенциальных возможностей, трактуется по разному. Выше были предложены пять основных подходов к интерпретации «баланса сил» и их типологические характеристики. В российской внешней политике институционализована и закреплена на доктринально-политическом уровне поликультурная модель «баланса сил», которая основывается на том, что все политические явления и процессы развиваются и интерпретируются в контексте социокультурной эволюции, имеют специфичный характер и действуют в рамках определенного пространства и времени. Такой подход к построению

внешней политики отличается ориентацией на обеспечение относительной культур-цивилизационной стабильности и демократичности в международно-политической коммуникации.

Заключение

Таким образом, сила государства рассматривается в российском политическом дискурсе в качестве потенциальной и реальной способность государства самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности, ведущего субъекта глобальной политэкономической системы.

Противоречия между российской и западноевропейской международной политикой заключается в том, что основной идейно-концептуальной составляющей российской внешней политики является направленность на формирование свободной международно-политической коммуникации и солидаристского типа культур-цивилизационного взаимодействия, которые принципиально не совпадают с западноевропейской моделью глобальной социально-культурной универсализацией.

В свою очередь, региональными приоритетами российской политики является направленность на создания географических центров, формирующих трансграничную платформу культур-цивилизационного диалога, способного обеспечить баланс глобальных, региональных и внутривосточных интересов. При этом развитие межгосударственного взаимодействия (например, российско-китайских отношений и стратегического партнерства) представляется как стабильные отношения не только государственно-правовых или политико-экономических, но как взаимодействие уникальных культур-цивилизационных пространств.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МД-6669.2016.6 «Архетипические (социокультурные) основания российской публично-властной организации и ее эволюции в XXI веке».

Примечания:

1. *Ван Хайюнь*. Российская дипломатия в эпоху нового Путина и Китайско-российские отношения // Научный журнал России. 2012. № 4.
2. *Волков В.Н.* Суверенизация российской государственной власти в условиях глобальной политико-правовой унификации. Диссерт. ... канд. юр. наук. Ростов н/Д, 2011.
3. *Дзоло Д.* Постдемократия и сложность: реалистический подход. М., 2010.
4. *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл.ред. М.Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006.*
5. «Концепция внешней политики Российской Федерации»: Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/o/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
6. *Лавров С.* Возврат к прежней модели не будет. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vozvrata-k-prezhnei-modeli-ne-budet-16691>
7. *Лавров С.* Размышление на новом этапе международного развития. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>
8. *Ли Цзинзе.* О некоторых аспектах китайско-российских отношениях стратегического партнерства и взаимодействия // Стратегическое партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения. М., 2014.
9. *Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю.* Государственная власть: парадигма, методология и типология. Монография. М., 2013.

10. Мамычев А.Ю. Государственная власть в политическом процессе современной России: теоретико-методологический аспект политической и социокультурной трансформации. Диссер. ... докт. полит. наук. М., 2013.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М., 2011.
12. Панченко М.Ю. Влияние российско-китайских отношений на обеспечение безопасности и стабильности в АТР. Диссер. ... канд. полит. наук. М., 2003.
13. Печерица В.Ф. Восточный экспресс Путина ускоряется на Китай М., 2015.
14. Титаренко Л.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени / М.Л. Титаренко. М.: ИД «ФОРУМ», 2014.
15. Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2007.
16. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М., 2004.
17. PRO суверенную демократию: сборник. М., 2007.
18. Kennedy P. The Fall of Great Power. N.Y.: Random House, 1988.
19. Lyubashits V.Y., Mordovtsev A.Y., Mamychev A.Y. State and Algorithms of Globalization // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. No. 3. S6. June 2015.
20. Walzer M. Just and Unjust Wars. NY: Basic Books, 1977.

References:

1. Van Hajyun'. Rossijskaya diplomatiya v ehposu novogo Putina i Kitajsko-rossijskie otnosheniya // Nauchnyj zhurnal Rossii. 2012. № 4.
2. Volkov V.N. Suverenizaciya rossijskoj gosudarstvennoj vlasti v usloviyah global'noj politiko-pravovoj unifikacii. Dissert. ... kand. jur. nauk. Rostov n/D, 2011.
3. Dzolo D. Postdemokratiya i slozhnost': realistscheskij podhod. М., 2010.
4. Duhovnaya kul'tura Kitaya: ehnciklopediya: v 5 t. / gl. red. M.L. Titarenko; In-t Dal'nego Vostoka. – М.: Vost. lit., 2006.
5. «Konceptsiya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii». Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinym 12 fevralya 2013 g. // Ministerstvo inostrannyh del Rossijskoj Federacii. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: http://archive.mid.ru//brp_4.nsf/o/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F
6. Lavrov S. Vozvrat k prezhnej modeli ne budet. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vozvrata-k-prezhnei-modeli-ne-budet-16691>
7. Lavrov S. Razmyshlenie na novom ehtape mezhdunarodnogo razvitiya. [Ehlektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://globalaffairs.ru/global-processes/Istoricheskaya-perspektiva-vneshnei-politiki-Rossii-18017>
8. Li Czinze. O nekotoryh aspektah kitajsko-rossijskih otnosheniyah strategicheskogo partnerstva i vzaimodejstviya // Strategicheskoe partnerskij dialog mezhdru Rossiej i Kitaem. Sovremennoe sostoyanie, problemy i predlozheniya. М., 2014.
9. Lyubashic V.YA., Mordovcev A.YU., Mamychev A.YU. Gosudarstvennaya vlast': paradigma, metodologiya i tipologiya. Monografiya. М., 2013.
10. Mamychev A.YU. Gosudarstvennaya vlast' v politicheskom processe sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt politicheskoy i sociokul'turnoj transformacii. Dissert. ... dokt. polit. nauk. М., 2013.
11. Nort D., Uollis D., Vajngast B. Nasilie i social'nye poryadki. Konceptual'nye ramki dlya interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. М., 2011.
12. Panchenko M.YU. Vliyanie rossijsko-kitajskih otnoshenij na obespechenie bezopasnosti i stabil'nosti v ATR. Dissert. ... kand. polit. nauk. М., 2003.
13. Pecherica V.F. Vostochnyj ehkspress Putina uskoryaetsya na Kitaj. М., 2015.
14. Titarenko L.L. Rossiya i Kitaj: strategicheskoe partnerstvo i vyzovy vremeni / M.L. Titarenko. М.: ID «FORUM», 2014.
15. Fukuyama F. Sil'noe gosudarstvo: Upravlenie i mirovoj poryadok v XXI veke. М., 2007.
16. Hantington S. Politicheskij poryadok v menyayushchihsya obshchestvah. М., 2004.
17. PRO suverennyuyu demokratiyu: sbornik. М., 2007.
18. Kennedy P. The Fall of Great Power. N.Y.: Random House, 1988.

19. *Lyubashits V.Y., Mordovtsev A.Y., Mamychев A.Y.* State and Algorithms of Globalization // Mediterranean Journal of Social Sciences. Vol. 6. No. 3. S6. June 2015.

20. *Walzer M.* Just and Unjust Wars. NY: Basic Books, 1977

УДК 323

Социокультурные принципы и направления развития современной российской внешней политики: глобальные и региональные приоритеты

¹ Алексей Юрьевич Мамычев

² Цзоу Лихуэй

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса,
Российская Федерация
690014 Владивосток, Гоголя, 41

Доктор политических наук, кандидат юридических наук

E-mail: mamychев@yandex.ru

² Хэйлунцзянской государственной технологической университет, КНР

158100 г. Цзиси, район Цзигуань, ул. Хэпин 99

E-mail: Zouli2864@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются принципы и направления развития современной внешней политики России, а также систематизируются и интерпретируются различные подходы к пониманию и толкованию «баланса сил» в межгосударственном взаимодействии, представляющих определенное геополитическое мировоззрение и теорию международной политики. Обосновывается, что культурно-цивилизационный подход к обоснованию современного публично-властного взаимодействия позволяет в XXI веке сориентировать внешнюю политику на обеспечение стабильности и демократичности в международно-политической коммуникации, а силу государства рассматривать в качестве потенциальной и реальной способности государства самостоятельно и независимо определять цели и задачи развития национального политико-правового пространства, «диалогически» участвовать в международно-правовой политике и на равных выступать в качестве одного из «архитекторов» международной системы безопасности.

Ключевые слова: внешняя политика, государство, национальная безопасность, право, суверенитет, трансграничное взаимодействие, цивилизация.